

Евгений Акуленко

Соль земли

16+

Евгений Акуленко

Соль земли

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Акуленко Е.

Соль земли / Е. Акуленко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Ну, что? Все ищешь свою правду? Ничему ни жизнь не научила, ни семь лет на красной зоне? Давай, валяй! Только не нужна она никому, правда твоя. Ни сыт с нее не будешь, ни счастлив. У человека есть вера. И все! И хватит ему!.. Сиди в лесу. Мерзни, кору жуй с голодухи. Авось поумнеешь. А нет — так не ты первый. Много вас таких было... И не дай тебе бог отыскать на дальней заимке соленые на вкус серебристые камни...

Вот он дубок, рос под самым носом. Вон еще один. И еще... Зараза! Синица присел на колени, рукавицей разгреб снег у комля, придирчиво осмотрел узловатый ствол. Столько кругов отмерял... На гору даже лазал, по ту сторону реки ходил – дудки! А тут выскочил за дровишками, сухостоиной разжиться – нате пожалуйте.

Синица что-то повертел в уме, прищурился, обухом постучал, раздумывая. Не любил он деревья ронять просто так. Не то чтобы жалко, нет. Вон их вокруг – море. Стена. Тьма-тьмущая. А бывает, свалит сгоряча, не подумав, – кошки на душе скребут. Ладно бы какую дебелию палку в обхват, так ведь и поросль в руку, что по меркам местным – себе сорняк, трава. Стоит, бывало, на пенек смотрит и понимает, обратно не приставишь уже. Почему выходило так, не мог сказать. Зато если суждено в дело дереву пойти – ничего. Даже наоборот, легкость по телу разливалась, бодрячок. Мол, какой-то нужде оно послужить готово и вроде как согласно расстаться с корневищем в обмен на ту, новую жизнь. В столешнице ли, в стене ли сруба, в стропильном бресе.

Синица высморкался, пошмыгал носом и мотнул головой: годится! Размахнулся топором и крикнул. После мягкой сосны дубок каменным показался. Пока рубил семь потов сошло, кости занули. Синица стащил шапку, отер лицо снегом. Хорошая выйдет ложа, если здесь отнять и здесь. Ровный кусок, без наростов, без гнили. Синица пожевал веточку, прислушиваясь к ощущениям. И улыбнулся: будет прок!

Машинка ему досталась в обмен на три банки тушенки и пачку папирос «Дымок». У продторга в поселке варилось стихийное торговщице, местный толчок. Прилавков не было, менялы перетаптывались с ноги на ногу, стучались плечами и потряхивали товаром, как баба младенцем. Да так же вполголоса приговаривали чего у них и почем. Синица искал ружье. Ружьишко. Какую завалиющую, разбитую «тулку». Что-нибудь искал, потому что нельзя в тайге без ружья. В тайге без ружья – край. Цену давал хорошую: пятнадцать свиных банок, почти все, что отоварил на выходной паек, махорки брикет, сахарную голову, бутылку керосина. Кто бы и рад руки погреть, линяли в тень, едва его синюю фуфайку с затертым номером завидев. Ну его в пень, шепнет кто патрулю – мало не покажется. Ни продавцу, ни покупателю. Потому как не полагалось лагерным, хоть и бывшим, оружие. И не волнует никого, что полпоселка тут таких отставников.

Пристал к Синице один старик. Вцепился в рукав и, по сторонам озираясь, дыхнул в лицо сивушным маслом, пойдем, мол, со мной. Есть, мол, для тебя, парень, вариант. Петлял дед минут сорок. Чьими-то огородами, заборами, через заднее крыльцо, через товароведа, через дыру в колючке привел на совхозную ферму. Синица уже и сам не рад, что ввязался, тискает в кармане заточку, готовится к худшему. Сейчас, думает, отоварят по темени подельники деды, материальные ценности конфискуют, а тело в сраную яму. А хоть сторожа захомутают и доказывай потом... А учитывая казенную справку в кармане, могут и в расход... В полутемной каптерке из немыслимого закута, затворив крепкий закрученный матерок, извлек дед грязный горошчатый сверток, отряхнул кое-как от соломы, путаясь заскорузлыми пальцами, развернул:

– Вот, – говорит, – машинка...

Синица глянул и вздохнул. Внутри мешанина деталей каких-то: пружинки, планки; патроны из мятых картонных коробок тут же. Все в трухе, в сенном соре, налипшим на смазку.

– Дед! Мне ружье надо, а не конструктор. И не часы настенные с гирьками.

– Ты что! – старик понизил голос. – Это ж «манлихер»! Машина!.. Еще дед мой в гражданскую привез. Вот, гляди, – синий ноготь поскоблил металл, – фирма!..

Синица покрутил в руках ствол с затворной коробкой длиною, наверное, в метр, разглядел замысловатый вензель и цифры: одна тысяча восемьсот девяносто пять...

– Ну, на хера мне эта мухобойка?

– Возьми, – дед погрузнел. – Недорого уступлю.

Синица колебался. На оружие эта груда запчастей и впрямь походила мало. Но был ли у него выбор?

– Тут, поди, и детали-то не все? Растерял, поди, половину?

– Все тут! – заверил дед. – Товарищем Илларионом клянусь! Попасть мне в чистку...

Бери!

Синица взял. У себя на заимке при свете лучины, суконным отрезом старой шинели отполировал до зеркального блеска ствол, разложив на тряпице железки, как шаман кости, со всем тщанием отскипидарил каждую вплоть до самого мелкого винтика, за неимением ружейной смазки используя дважды перетопленные куски сала из тушенки. Впрочем, тушенка была настолько дрянной и так разила машинным маслом, что слипшийся желтый конгломерат по стенкам и впрямь мог оказаться ружейной смазкой, несмотря на полустершийся накат, уверявший, что при производстве якобы не обошлось без свиньи. С помощью сточенной из гвоздя отвертки, заостренного напильника и топора Синица собрал запчасти воедино. Он откидывался на охалке сена, прикрывал глаза, а пальцы плясали по тусклому металлу, запоминая каждый выступ, каждую засечку, трогая предохранитель и спусковую скобу, в бесчисленный раз заряжая и разряжая патронную пачку. Плевать, что сквозь дыры в крыше глядит небо, а под просевший угол наматывает сугроб сквозь щели в разъехавшемся полу, плевать, что уже почти нечего есть и едва греет прогоревшая, нещадно коптящая буржуйка. Главное, теперь у него есть винтовка. Все остальное после.

Восьмимиллиметровые патроны выглядели живыми, но особого доверия, пролежав семьдесят лет, не внушали. Синица всем сердцем надеялся, что хоть половина из них не даст осечки, и доисторическая мухобойка все же сложит кабана метров с пятидесяти.

Испытывать винтовку без ложементов Синица не спешил. Крепла у него мысль, что старушка, выражаясь языком лагерным, так и осталась целкой, невзирая на свой преклонный возраст и три минувшие войны. От такого оружия можно было ожидать чего угодно. Воображение рисовало разорванную в руках коробку или затвор, влетаемый в лоб. Но все эти опасения разом отошли на второй план, когда ближайшей же ночью на заимку пожаловал незванный гость.

Спал Синица чутко. А тут вообще в таежной глуши тишина густая. Иной раз так на уши придавит, что срочно требуется или кашлянуть, или промурлыкать чего под нос. Короче, когда снаружи захрустел снег, Синица чуть не наделал в штаны. Принесла же нелегкая! Штатается вокруг, не уходит. Не человек. Люди не тянут так шумно воздух носом, не скребутся в стенку и не взрыкивают. Синица догадался, кто там снаружи. Но от этого легче не стало.

Откуда он взялся: черт его знает, зимой медведи спят. Синица когда только отыскал заимку, подивился устройству входной двери. Снаружи та закрывалась на чепок, видать, от пронырливого зверя да чтобы в отсутствие хозяина ветром не гоняло. А вот изнутри дом берег толстенный засов. Теперь стало ясно от кого. Только когда шатун, звериным чутьем своим почуяв добычу, заскреб в дверь, засов этот уже не казался таким толстым. Затрещал косяк, заскрипели выдираемые скобы. Синица раздумывал недолго, кое-как намотал рукав телогрейки на ладонь и шамальнул прямо через двухдюймовые доски. В руку преобильно ударила отдача, избушку наполнили едкие пороховые клубы. Синица постоял, прислушиваясь, и заключив, что зверь убежал, решился высунуться наружу. И чуть не пачканул порты второй раз кряду, узрев шатуна, черной бесформенной грудой лежащего прямо у порога.

Когда рассвело, Синица переосмыслил происшедшее. Стальная пуля со свинцовым сердечником пробила насквозь дверь, медведя, сосну напротив и продолжила полет в неизвестном направлении. Другими глазами Синица посмотрел на прицельную планку, где красовалась цифра: две тысячи шестьсот. Конечно, в виду вряд ли имелись метры. Но даже для шагов было очень нефигово. Забитая рука болела, по ладони расплылся синяк. Пожалуй, мухобойкой можно было не то что опрокинуть сильно бронированного кабана, но и сбить низко пролетающий самолет. Машинка действительно работала, дед не обманул.

Вопрос стал за малым, за деревянной ложей с прикладом. Сосна на это дело не годилась – мягкая. Береза и осина тоже не фонтан, не шлифуются в силу волокнистой структуры. Лучше нет материала, чем орех или бук, но таковые данных широтах не произрастают ввиду суровых климатических обстоятельств. Дуб – хороший вариант. Но и дубами окрестности не изобиливали.

Заготовку Синица ошкурил и оставил сушиться у печки. Благо заблудший медведь предложил себя в качестве решения продовольственного вопроса в ближайшей перспективе. Синица варил шурпу в казанке с неизвестными кореньями и травами, пучки которых тесно висели под крышей – спасибо прежним хозяевам. Получалось даже вкусно. Тушу Синица разделал на фрагменты и приладил под фронтоном на морозе, прикрыв от мелких пичуг мешковиной. Потроха снес подальше в лес, дабы не приваживать волков. Но самым ценным приобретением оказалась медвежья шкура. Завернувшись в жесткий бурый мех, Синица мог забыть про стужу. Правда пованивала шуба прежним владельцем, но обстоятельство это по сравнению с блаженным теплом – сущий пустяк. Замороженных находили, умерших от запаха – нет. Синица заткнул тряпьем щели, прочистил печную вытяжку, натаскал звенящего от сухости смолья, и в избушке образовался Ташкент.

Ложу Синица выстругивал со всей любовью и старанием. Щурясь на свет, снимал невестомую прозрачную стружку, поминутно поправляя лезвие на камне. Точно под размер выбрал прямоточный паз, провертел дыры для креплений, отполировал приклад суконным отрезом. В заключение, пустив в расход единственный свечной огарок, натер ложемент горячим воском и прошелся грубой тканью еще раз. Такое дерево не оцарапает щеку и не боится влаги. Конструкция получилась тяжелая, громоздкая, но в руках сидела удобно и работу свою знала на раз. Пожертвовав десяток патронов на пристрелку, Синица уверенно вышибал с полста шагов пятак и брался нанести невосполнимый урон любому живому существу, включая недобро настроенного человека.

Впрочем, последних он опасался не очень. Заимка столь удачно затерялась в тайге, что, не зная точных ориентиров, не отыскать ее вовек. О лесной избушке шепнул в лагере один зек. Должен он был Синице сильно, отблагодарил, чем мог. Есть, поведал, недалеко от шахтерского поселка Ферাপонтова заимка. Самому ему бывать там не доводилось, но рассказ он слышал якобы от человека надежного, который трепать попусту не станет. От поселка на восход стоят три горы. Их надо миновать и дальше двигаться так, чтобы когда ни оглянулся, все время видел вершину ближней меж первых двух. Так – пока не выйдешь к реке. После надо переправиться на другую сторону и подниматься вверх до красного камня, островерхого куска гранита. Очень важно, напутствовал товарищ, повторять все изгибы русла, ибо если протопоешь мимо – все, ау, поминай как звали. У камня опять переправиться назад и идти дальше против течения. Увидишь заимку. Решишь срезать – сгинешь. Кругом топи, дебри и никаких ориентиров.

Речку Росомаху едва Синица отыскал. Замело все, поди разбери где что, та же поваль на воде, те же завалы. После еще долго раздумывал, в какую сторону течет она. Снег разрыл до льда, а что толку, сквозь лед не видно. Голову сломал, пока не смекнул прибрежные кусты разгрести. На них мусор, трава сухая, что половодьем нанесло, сразу видно откуда. Зашагал Синица прямо по руслу, а после, мудреным правилом пренебрегая, выбрался на левый берег, потому как показался тот удобнее. Речка узкая, ручей – не речка. Камень-то он поди всегда увидит... И тут как жаром Синицу обдало, несмотря на мороз. Ветвилась Россомаха. Ветвилась на многие рукава. Вернулся он назад по следам, благо ума хватило, и уж дальше двинулся, как положено берегом правым.

Избушка стояла от реки метрах в пятидесяти посреди небольшой поляны. И поляна эта образовалась, по ходу дела, от постройки самой избушки. К дому примыкал сарайчик с одностворной воротинной, из снега кое-где торчали жерди, обозначая остатки загона для скотины. Видать, тут когда-то такая водилась. У самой воды чернело еще одно полуразрушенное стро-

еньице неизвестного назначения и свойства, с виду похожее на баню или коптильню. Сеница вначале хотел разобрать на дрова, потом раздумал. Вот и вся заимка.

Ну, а если так разобраться, все для жизни есть, большего и не надо. В лесу зверья полно, петли можно ставить, силки, на зайца, на кабана, на косулю. Когда и рыбкой, наверное, удастся побаловаться. А там до лета дотянуть: грибы пойдут, ягода. В тайге главное сложа руки не сидеть и с голоду не помрешь, прокормишься.

...От лагеря до поселка километров сорок. По ниточке узколейки таскаются паровозики – «кукушки», меняющие руду и лес на харчи и новых постояльцев. Зимой пути заметает и единственным сообщением с внешним миром остается тракторная волокуша, приходящая раз в неделю. Правда еще при условии, что не зачухнет старенький движок, не перемерзнет в трубках солярка и выйдет из алкогольной комы дизелист. Так что вместо недели транспорт можно было прождать и все две. Это бесконечно много, когда каждый оставшийся до звонка день отмечаешь засечкой на нарах. Выцарапываешь на бруске, рискуя загнать занозу под ноготь, едва прозвучит команда «отбой» и скиснет тусклая лампочка под потоком. Сеница оттянул семь полных лет. Должен был десять, но трешник ему скостили. За добросовестную работу и перевыполнение нормы. Наверное, если сложить все его зарубки в длину, получится путь аккурат от барака до двойных внешних ворот. Сеница проделал его с отстукивающим каждый шаг сердцем, ощущая затылком чужие взгляды, тоскливые, завистливые, злые. Ни одной лишней минуты не пробудет он здесь, не подарит этому месту больше ни капли своей жизни.

По накатанной санями дороге шагалось легко. Сеница взял хороший темп, стремясь покрыть засветло большую часть пути. Ночного леса он не боялся. Ни зверья, ни мороза, заставляющего сухо постреливать стволы. От холода рецепт простой – не останавливаться, замерз – бежать. Пока не начнешьдохать, пока жар не прошибет. На десять часов хода у него сил хватит, главное с пути не сбиться. А что касается хищников... Он выжил среди таких зверей, по сравнению с которыми матерые волки покажутся слюнчавыми щенками. Прорвется, не впервой.

Вот, помянул к ночи... Боковым зрением Сеница уловил смутное движение, и тот час слабый лунный свет вернула пара желтых глаз. Одна, другая, третья. Волков Сеница опасался не очень, меньше, скажем, внезапно падающей на плечи рыси. Отчего и в нависающие ветви вглядывался напряженно и старался такие места перебежать не задерживаясь. Волк, он по своей природе осторожен, не будучи уверенным в превосходстве, не нападет. Особенно осторожен он с человеком. Долго будет провонать параллельным курсом, приглядываться, пробовать воздух на вкус. Не потянет ли запахом страха, не замечется, не засуетится ли жертва. Начнет стая сокращать расстояние, поджимать с боков. Покажешь слабинку – набросятся сворой и порвут, дашь отпор – отвалят несолоно хлебавши.

Впереди на дорогу вышел поджарый пес, остановился. Сеница знал, отступить нельзя ни в коем случае. Пер прямо на волка, не сбавляя шаг. Даже стало весело на минуту, как его пытается взять на понт облезлая серая собака. Дернулась верхняя губа, обнажая клык в коронке: он тоже зверь, попробуй возьми. Волк убрался. Нехотя потрусил в лес, виляя тощей задницей.

Долгое время преследователей не было видно, Сеница уж подумал грешным делом, что те отстали. Но нет, объявились разом по обе стороны дороги. Минимум полдюжину псов бежали размашистой рысью, отбрасывая длинные тени. Голод, он как известно, не тетка. За кусок теплого, подрагивающего в конвульсиях мяса, можно и шкурой рискнуть. Внешне Сеница на серую кампанию никак не реагировал, держался сколько мог, тиская ладонью рукоять заточки, до тех самых пор, пока самый смелый не приблизился вплотную и не попытался прихватить зубами штанину. Сеница встал спиной к дереву, скинул заплечный мешок и перехватил заточку поудобнее: по одному, суки! Волки обступили кругом, крсыли пасти, но

напасть не решались, медлили. Первым прыгнул самый крупный, молча взвился с места, метя в горло. Синица закрылся рукой, стараясь просунуть локоть в телогрейке как можно дальше в оскаленную пасть, и всадил заостренный напильник в мохнатый бок. Скинул тушу в сторону и отмахнул второго, прикусившего ногу выше колена. Тот заскулил жалобно и отбежал на полу-согнутых прочь. Больше пытаться счастья никто не отваживался. Выставив перед собой окровавленную заточку, Синица рванул вперед. Едва сделал несколько шагов, как рык и возня на месте схватки ознаменовали начало трапезы стаи ранеными своими собратьями.

– ...Стоять! Руки в гору! – в лицо Синице глядели два автоматных дула. – Кто такой?

Бегут, вертухаи. Радостные. Думают, беглого словили, и теперь в награду им полагается отпуск. Синица мстительно улыбнулся и извлек из-за пазухи справку об освобождении, с удовольствием наблюдая, как вдохновение оставляет озаренные надеждой лица.

– А че пешком? – прищурился патрульный.

– Гулял, – Синица взглянул вызывающе и прямо.

Твое какое дело?

– Ясно. Борзый... Вещи к досмотру!

– Че встал? – толкнул в плечо второй. – Вещи к досмотру, быстро!

Содержимое вещмешка вывалили под ноги. Там смотреть не на что: пара белья, кусок темно-коричневого мыла, несколько писем. Мелкая месь. Паскуды.

– Че мусолишь в рукаве? Сюда бросай!

В лагере Синица оружие свое прятал в подошве валенка, там и выемка под размер имела. Сейчас не видел смысла.

– Это что? – патрульный покатал носком сапога окровавленную в налипшей шерсти заточку.

– Напильник, – Синица пожал плечами.

– Кровь чья?

– Ежика, – Синица оскалился. – Вон, там иголки остались...

Патрульный поскреб щетину – в исполнении вертухая сей жест обычно предшествовал пинку под ребра. Но ударить не посмел. Народу вокруг много, да и не лагерь тут... Неизвестно, как еще сложится...

– Вали!..

В поселковой конторе было накурено и шумно. В полутемном коридоре толпились рабочие, кто-то спал на стуле, привалившись к стене, кто-то орал, охрипнув, в телефонный аппарат:

– Подпорки! Говорю: под-пор-ки!.. Нет! Под-пор-ки!..

– Слышь, – Синица тронул за плечо бородатого мужика, смолвившего ядреную сигарку, – главного где найти? Коменданта или начальника, кто тут у вас...

– Председателя, что ль?.. Наверху...

Синица поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж, толкнул первую попавшуюся дверь. За письменным столом сидела старушка, бойко царапала что-то в листке. Седые волосы забраны в клубок размером с полголовы, на плечи наброшена пуховая шаль, на носу очки: ни дать, ни взять – школьная учительница.

– Председателя... – начал Синица.

– Я председатель, – перо поклевало в чернильницу. – Надо чего?

– Вот, – Синица выложил на стол справку.

И остался стоять, переминаясь с ноги на ногу, потому как старушка будто бы забыла о его существовании. С валенок отваливались снежные струпья, растекались лужицей на полу. Убористые буквы строка за строкой покрывали бумагу. Когда первый листок заполнился, на смену ему лег второй. Синица изобразил деликатное покашливание.

– Ты мне тут не кашляй! – пригрозила старушка. – Мне тоже не больно-то охота лагерным ароматом твоим дышать. Дойдет и до тебя очередь, – голосом она говорила писклявым и тихим.

– Так я могу в коридоре подождать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.